

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
Настя Орловой:

На моих условиях
Выбираю тебя
Посмотри в мои глаза

В соавторстве с *Катей Саммер:*

На грани фола

Настя Орлова
Катя Саммер

*На грани
фола*

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*
Оформление серии *Екатерины Петровой*
Иллюстрация на переплете и в блоке
Натальи Сорокиной (jwitless)

Орлова, Настя.

О-66 На грани фолла : роман / Настя Орлова, Катя Саммер. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-189308-8

Арсений Громов — звезда баскетбола, мажор и красавчик, который привык всегда получать желаемое. И именно его вот уже несколько раз кинула обычная второкурсница Виктория Огнева.

Поймать, наказать и тут же забыть — такой план.

Но исполнить его не удастся, слишком соблазнительной оказывается строптивая девчонка. И вот уже Громов сам готов исполнять желания Вики, даже не заметив, как быстро изменились правила игры.

Когда ты слишком уверен в победе, есть риск, что ты просто недооценил, с кем имеешь дело.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189308-8

© Орлова Н., Саммер К., текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Глава 1

Тори

— Ты опять опаздываешь, Тори, — поправляя круглые очки на переносице, сообщает Веня нравоучительным тоном, как будто я не в курсе. — Знаешь же, что Филатов нас не пустит, если заявимся после звонка.

— Успеем добежать, зануда! — Я посылаю другу самую ослепительную улыбку из своего арсенала и беру его под локоть. — Из общаги вышла вовремя, честное слово, но возле подъезда опять тот котенок черно-белый ошивался, пришлось забежать в магазин сосиску ему купить. Надеюсь, девочки пристроят его, такой он милый.

— Ну вот! Из-за паршивого кота мы с тобой зарабатываем прогул у самого сволочного препода в универе! Где справедливость в этом мире?

Веня демонстративно пучит глаза и тянет меня к центральному входу, но войти внутрь мы не успеваем. Дорогу нам преграждает буйная компашка во главе с Арсением Громовым. Сам он предпочитает, чтобы его величали Громом (даже в мыслях!), но в гробу я видала таких Зевсов. В моем представлении он типичный мажор в брендовых шмотках, повсюду гоняющий с толпой от мороженных придураков.

Мы вместе учимся на втором курсе, только я на педагогическом факультете, Веня изучает прикладную информатику, а мажоры — IT-технологии и гейм-дизайн. Понятия

не имею за что, но они невзлюбили моего друга с первой недели сентября. Я пыталась выбить у Вени признание, в каком месте он умудрился перейти дорогу этой шайке, но тот молчит как партизан, из чего я делаю вывод, что там или что-то действительно серьезное, или какая-нибудь ерунда, в которой ему просто стыдно признаться.

— Так-так, и куда это несется парочка «Твикс»? — с издевкой тянет Быков, один из прихвостней Громова, амбал с плоским лицом, явно не обремененный интеллектом.

Мы с Веней синхронно делаем вид, что не заметили провокации, и пытаемся обойти парней справа, но те зеркала наше движение и перекрывают нам путь в универ.

— Мы спешим на пару, — бросаю я недовольно и крепче стискиваю локоть Вени. — Простым смертным приходится учиться и закрывать сессию с помощью знаний, а не денег папочки.

— У-у-у, — раздается предупреждающий гул. — Ты, сука, на кого свой рот сейчас открыла?

Глаза плосколицего наливаются кровью, как у самого настоящего быка при виде размахивающего красной тряпкой тореадора.

— Не надо говорить с Тори в таком тоне! — вмешивается на свою голову Веня. — Зачем оскорблять девушку, только потому...

Закончить он не успевает. Быков хватает его за плечо и впечатывает в стену с такой силой, что с Вени слетают очки. А после на них, смятая оправу и стекла, наступают второй громовский дружок, Руслан Платонов. Раньше он мне казался самым адекватным из троицы, но в этом году как с цепи сорвался. Отрастил шевелюру, набил татуировку и, кажется, собирается побить рекорд Громова — пройти вообще по всем девчонкам в универе. По крайней мере, со стороны это выглядит именно так.

— Ты! — задыхаюсь от возмущения и дергаюсь в сторону Быкова, чтобы прийти на помощь Вене, но на мое плечо тут же опускается горячая ладонь Громова.

— Не лезь, — говорит он так спокойно, словно не видит, как отморозок из своры его псов калечит моего друга.

Рассчитывая испепелить взглядом, я потрясенно смотрю на его загоревшую в Испании руку (ну а кто в универе не подписан на страницу Громова, где он светит полуголыми селфи?). Жаль, выходит не очень. Тогда я изо всех сил дергаю плечом и бросаюсь к Вене, на ходу подхватывая с земли вдребезги разбитые очки.

— Отвали! — рычу я на Платонова, когда тот пытается преградить мне путь.

— Ты посмотри, какая дерзкая! — Ехидно улыбнувшись, он качает головой и, пока я помогаю Вене сесть и собрать выпавшие из рюкзака конспекты, светит ямочками на щеках, которые с его паршивой натурой сочетаются плохо.

— Ты как? — спрашиваю я Веню.

— Жить буду, — храбрится он, но я чувствую, что Веня не меньше моего ошарашен подобной формой агрессии.

— И не стремно тебе прятаться за юбкой? — подает голос сам Громовержец, обращаясь к моему другу.

— Оставь его в покое, придурок! — бросаю я и бесстрашно смотрю ему прямо в лицо.

Наверное, сейчас я впервые осознаю, почему на него западают девчонки. Арсений Громов просто до тошноты идеальный. Он высокий, я бы даже сказала очень, явно на две головы выше меня, а я ведь тоже далеко не Дюймовочка. У него красивые рельефные плечи, широкая грудная клетка и большие кисти рук с длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями — без шуток, у меня пунктик на эту тему, а его кисти выгля-

дят так, словно парень в свободное время развлекается игрой на арфе. Ну то есть все очень красиво. Выгоревшие на солнце волосы зачесаны назад, верхние пуговицы льняной рубашки расстегнуты, с шеи свисает странный кулон, а на ногах вместо модных кед чертовы лоферы, будто он учится в Гарварде, а не в РУФИ, где ботаники вроде нас с Веней изучают физику и информатику. Если подумать, Громов напоминает мне типичного Кена — такой же смазливый и пустоголовый, как пластиковая кукла. За этой оберткой точно нет ни сердца, ни души. Так несправедливо, что подобному мерзкому типу достались такие идеальные руки!

— Что ты сказала? — Он демонстративно шурит глаза и кривит губы, за один миг превращаясь из милашки в хищного зверя. Еще и скалитесь — не зря он бессменный предводитель этих псов.

— Тебе голову мячиком отбили, что ты простых слов не понимаешь? — Ах да, забыла сказать, что Громов у нас — звезда баскетбола.

Он в два размашистых шага сокращает расстояние между нами и сжимает своей аристократичной клешней мои щеки.

— Я вот думаю, ты бессмертная, что ли?

— Это же ты у нас Севс, я тут при сём? — выдавливаю сквозь губы, сложенные трубочкой.

Секунда, две, три немой перестрелки взглядами, а потом Громов отпускает меня и, согнувшись пополам, оглушает всю округу раскатистым хохотом.

— Ладно, ты смешная, живи пока, — заявляет он, не переставая широко улыбаться, и заглядывает мне через плечо: — А вот твой очкарик...

— Не трогай... — Мой голос срывается, так что приходится прочистить горло, чтобы снова звучать решительно и смело. — Его.

Телохранители на заднем плане дружно издают свистящие звуки. Для того чтобы генерировать полные предложения, у них, видимо, извилин не хватает в черепной коробке. Но мне пофиг, для меня они не более чем белый шум. Другое дело — сам Громов. Цепкий взгляд зеленых глаз отравляет, словно ядовитый плющ, но я, призвав на помощь все самообладание, стойко выдерживаю его и мысленно считаю до десяти.

Бровь парня изгибается домиком, правый уголок рта ползет вверх.

— А что мне за это будет? — звучит с издевкой и так приторно, что у меня сводит скулы.

— Судьба сжалится над тобой, и ты перестанешь быть таким придурком.

— Тебя давно не трахали или ты по жизни самодовольная сука? — не остается в долгу Громов.

— Тори, забей, я... — бормочет за спиной слепой, как крот, Веня. Без очков геройствовать ему не по зубам, поэтому я за него.

— Саня, Рус, нашему умнику пора искупаться в фонтане. Будет знать, как лезть к чужим девушкам с такой рожей.

Я будто в замедленной съемке вижу, как эти двое распрямляют плечи и сжимают кулаки, а в мыслях уже представляю Веню, который, как «Титаник», идет ко дну. Почему сразу ко дну? Да потому что мой друг никогда не умел плавать!

— Нет-нет, — срываюсь и подлетаю к Громову. Тех бизонов не остановить, поэтому я импровизирую. — Нет! — Я толкаю его в грудь, но он продолжает стоять на месте. От него приятно пахнет кофе и немного дорогим одеколоном, но в остальном он бесит меня от макушки до пят. — Говорю тебе в последний раз — не трогайте его! — И я очень хочу, чтобы мой голос звучал грозно и уверенно, но, по моему, больше похоже на то, что я умоляю.

— А что ты готова сделать ради этого? — Свистящий шепот пробирает до костей, желудок судорожно сокращается, как подумаю, что он и я...

— Фу! Да я лучше мучительно умру в дьявольских силках, чем лягу с тобой в постель.

Громов морщит нос, будто чем-то дурно запахло.

— Это что-то на задротском? — Он кивает мне за спину, и я боковым зрением вижу, как его дружки замирают. — Лягу в постель... — Он опять смеется. — Тебе сколько лет, семь? И неужели ты думаешь, мне есть дело до твоей огромной задницы? Спустись с небес на землю, пучеглазая!

— Ауч, — говорю без лишних эмоций, — бодишейминг? Серьезно? Какие у тебя еще скрытые таланты? Бьешь детей? Топишь котят?

— Короче, — Громов резко тянет меня за воротник блузки, торчащей из-под объемного свитера, которые я обычно ношу в комплекте с широкими джинсами, — хочешь выслужиться за проколы своего парнишки — валяй. Мне девчонка на побегушках не помешает.

— Найми персонального ассистента, — парирую я.

— «Да», или очкарик уходит в дальнейшее плавание, — чеканит он.

— О чем ты вообще... Да блин! На дворе двадцать первый век, крепостное право давно отменили!

— Ребят... — начинает Громов лениво, пронзая меня по-змеиному зелеными глазами.

— Ладно! — выкрикиваю я, лишь бы прекратить этот фарс. — Хорошо! Я согласна. Но никакого секса, ничего противозаконного или того, что может угрожать здоровью. Вы не тронете Веню и...

— Условия здесь выставляю я, — перебивает Громов, наклоняясь так близко, что кончик его острого носа едва не цепляет мою щеку. — Будешь мне должна.

— И что это значит? Как долго? — Я тараторю, потому что паника подступает к горлу и меня тошнит.

— Пока мне не надоест, — звучит под похоронный марш в моей голове. — С остальным я согласен. Нужны твои цифры.

— Чего?

— Телефон твой, — поясняет тоном, которым разговаривают с умалишенными.

— Зачем?

— Спокойной ночи желать перед сном. — Он закатывает глаза и будто бы злится. — Тему доклада скину. Завтра Филатову нужно сдать.

Кстати, о нем. Мы уже схлопотали прогул? Значит, автомата не будет? Черт, черт, черт.

Я по собственной воле даю мажору свой старенький телефон с трещиной посередине экрана, а тот, нахмурившись, вбивает номер и делает дозвон. Потом кивает, резво стартует с места, и не успеваю я глазом моргнуть, как буйная троица уже метрах в десяти от нас заворачивает за угол.

— Эй, что за подстава? Доклад для Филатова не написать за один вечер! — очнувшись, кричу Громову вслед, пока Веня рядом со мной виновато вздыхает.

— У тебя есть стимул совершить невозможное, — небрежно сообщает Арсений в ответ. — Надеюсь, ты согласишься, что он не принимает работы из интернета?

Громов подмигивает и скрывается из виду, вызывая во мне неконтролируемую жажду крови.

— Я тебе помогу, — мямлит Веня, а я впервые за все годы нашей дружбы, которая прошла проверку садом, детскими лагерями и школой, так сильно на него злюсь.

Что там придурок нес про девушку, к которой сунулся Вениамин?

— После этого, — сердито хмурюсь, чтобы он не думал, что я шучу, — ты просто обязан мне все рассказать! И можешь начинать прямо сейчас.

Глава 2

Арсений

— Арс, я... Я все... О-о-о... А-ах! — Горластая старшекурсница Карина сладко стонет подо мной и бурно кончает, ритмичными пульсациями массируя мой член. Охренительно. Я догоняю ее и, насладившись собственной разрядкой, стаскиваю резинку, а после падаю рядом с развалившейся на кровати девчонкой.

Нормальная она все-таки телка: волосы светлые, глаза голубые, кожа повсюду гладкая, не дура, но и заумных речей не толкает — все, как я люблю. Надо сохранить ее цифры под номером двадцать один. Мое любимое число. Когда в следующий раз возникнет желание сочно потрахаться, быстро вспомню, что с этой было хорошо.

Подождав, пока выровняется дыхание, я тянусь за ветровкой, в кармане которой припасена полупустая пачка сигарет — таскаю ее с собой уже месяц. Я почти бросил, но покурить после зачетного секса — как забить трехочковый за секунду до свистка арбитра. Отказать себе в этом удовольствии я пока не могу. Выбив из пачки одну, глубоко затягиваюсь и ощущаю, как ослабевшее после оргазма тело снова наполняется энергией. Наверное, быстро перекурю сейчас, и на второй раунд с Кариной пойдем. А почему нет? Отличное завершение бесконечно долгого дня, и я почти готов.

— Арс, может, в кино сходим? Новая часть «Аватара» вышла.

Член, не успев толком встать, падает замертво.

— Ага, — хмыкаю я, внутренне уловив топорные попытки Карины перевести наши отношения из плоскости кровати в романтику. Я такое сразу пресекаю. А в кино лучше с парнями схожу. «Аватар» — это тема. — Со звонимся как-нибудь, лады? А сейчас я пойду, мне пора.

— У тебя же есть мой номер?

— Есть, ага, — отзываюсь я, теряя терпение. Вместо двадцати одного получит от меня в записной книжке троечку, а это значит, что сегодня у нас первая и последняя встреча.

Видимо, умственные способности Карины я все же переоценил, потому что моего настроения свалить она упорно не считывает. Пододвигается ко мне ближе и начинает водить острыми когтями по моему плечу. Жаль, что у меня на нее больше не стоит и я терпеть не могу, когда телки царапаются. А-а, больно!

Резво поднявшись, я собираю шмотки, разбросанные по полу, одеваюсь. Надо бы в душ сходить, конечно, но аппетиты Карины на мое личное время растут в такой геометрической прогрессии, что мне стремно задерживаться у нее в квартире даже на пять минут. А то она в своих мечтах скоро от кино к ужину при свечах перейдет. Там и до знакомства с родителями недалеко — знаем мы таких.

Когда я выхожу на улицу, уже темнеет: по небу мажет остатками заката, зажигаются фонари и фары мимо проезжающих автомобилей. Я собираюсь набрать Руса, узнать, что он делает, и, может, пересечься с ним, но стопорюсь, когда с незнакомого номера прилетает сообщение.

«Реферат отправила».

Мозг в первые пару секунд впадает в ступор, но потом я вспоминаю вчерашнюю стычку с лузером Веней и его подружкой в смешном, похожем на мешок прикиде. Во-

время она мне подвернулась с этим договорным рабством все-таки. Отличница и зазнайка — прямо то, что доктор прописал. Закрою зимнюю сессию без лишних заморочек.

Опомнившись и глянув на время, я решаю забить на Руса, тем более что настрой тусить почему-то сбит. Тачка по-прежнему в сервисе, поэтому я вызываю такси и валю домой — распечатаю доклад и спать. На хрен все. Хотя бы раз выплусь: завтра после пар я маму с братом хотел проведать, а вечером мне предстоит попотеть на тренировке. В пятницу важный матч с задротами из РУПС, надо быть в форме.

Пару бесконечно долгих дней я верчусь как белка в колесе. Всем от меня что-то нужно, даже отец, обычно в свободное время занятый очередной малолетней любовницей, появляется на горизонте и хочет со мной поговорить. Дел реально невпроворот, поэтому, сдавая Филатову подготовленный пучеглазой доклад, я даже испытываю что-то вроде благодарности к ней и ее дружку-лузеру — сам бы я точно не вывез эту порцию гранита науки, а «неуд» мне сейчас вообще ни к чему.

К следующей паре у профессора я нормально раскидываюсь с делами, удовлетворяю желание отца проверить на прочность семейные узы, забираю машину с новыми дисками и тонировкой из сервиса и наконец полностью концентрирую усилия команды на предстоящем баскетбольном матче.

— Что ж. — Зверюга Артемий Александрович Филатов, наш препод, достает из потрепанного портфеля, видавшего, наверное, самих динозавров, пачку рефератов и бросает их на стол. — Все, кто сдал работы вовремя, получают зачет. У некоторых студентов в текстах есть прямо-таки неплохие мысли. Молодцы, хвалю. Но вот один реферат мне хочется выделить особенно. Не поверите, сегодня у нас отличился Арсений Громов.

По аудитории проносится стройный гул протяжного «у-у-у», а я давлю улыбку. Отлично, Огнева, зачет у Филатова дорогого стоит. Может, и не буду жестить с ней. Еще пара рефератов перед зимней сессией — и отпущу на все четыре стороны подтирать сопли ее очкарику.

— Где-то здесь есть одна, я бы даже сказал, выдающаяся мысль, — скрипучим голосом продолжает препод, листая страницы. — Я ее специально маркером выделил и дважды прочел, чтобы, так сказать, прочувствовать. Ага, вот она, цитирую: «У Виктории Огневой потрясающая задница». И ведь не поспоришь же!

После секундной тишины аудитория взрывается диким хохотом. Ржут даже Бык с Русланом, а я, черт возьми, смущенно краснею. Краснею, блин! Вроде так называется этот процесс, когда кровь бурлит и кипятком бьется в щеки и лоб?

Придушу Огневу. Да я ее просто придушу! Голыми руками! Пусть только попадетя мне на глаза.

До конца дня я коплю в себе ярость, которой собираюсь стереть дерзкую сучку с лица земли. Пробиваю ее расписание, но она, по ходу, понимает, что ей и ее «потрясающей заднице» звездеч, — умудряется просачиваться в лектории и из них через меня. Хитрая, зараза, но и я не сопливый пацан. Ловлю ее в коридоре после четвертой пары и, не церемонясь, толкаю к стене.

— Я вот не пойму, Виктория Огнева, ты до хера смелая или просто дура? — хриплю ей в лицо.

— Не понимаю, о чем ты, — невинно хлопая ресницами, поет чучело в безразмерном свитере и огромных штанах. Это у нее прикол такой — косить под раннюю Билли Айлиш? — Отодвинься от меня. У меня личное пространство.

— Все ты понимаешь, — рычу я в ответ и еще сильнее вдавливаю ее в стену. Пусть останутся вмятины, зато